

A romantic winter scene painting. A man and a woman are walking away from the viewer down a cobblestone street covered in snow. The woman is on the left, wearing a light-colored coat and a scarf. The man is on the right, wearing a dark coat. They are holding hands. In the background, there are buildings with warm lights glowing from the windows, and street lamps. The sky is overcast and snowy. The overall mood is cozy and intimate.

Сари Лада

Клубок

Сари Лада
Клубок

«Автор»

2026

Лада С.

Клубок / С. Лада — «Автор», 2026

Они столкнулись в переходе на Сенной — и телефон полетел вниз. Он поймал. Она не ушла сразу. Это было начало. Егор — архитектор, видящий время в зданиях. Катя — будущий инженер сетей, умеющая называть то, что другие чувствуют, но не могут сформулировать. Они подходят друг другу так, как подходят люди, которые ещё не знают об этом. Но за их историей — другая. Люди, голоса, жизни, прожитые честно — с потерями, с выборами, с тем, что нельзя забыть и от чего не умирают, но с чем нужно научиться жить. Нить между ними протянута через года. Повесть о том, что жизнь длиннее любой ошибки. И о том, как люди, никогда не видевшие друг друга, однажды оказываются за одним столом — и понимают: всё это время они были связаны.

© Лада С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Сенная площадь	5
Глава 1. Егор	5
Глава 2. Катя	7
Глава 3. Егор	8
Глава 4. Катя	10
Глава 5. Егор	11
Глава 6. Катя	13
Глава 7. Егор	15
Глава 8. Катя	17
Часть вторая. Коттедж	19
Глава 9. Катя	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сари Лада Клубок

Часть первая. Сенная площадь

Глава 1. Егор

Егор не любил час пик. Не из-за толпы — толпу он научился не замечать ещё на первом курсе — а из-за того, что в толпе невозможно думать здраво. Мысли разбивались о чужие плечи, теряли форму, и то, что казалось ясным в тишине, здесь рассыпалось в ничто.

Он срезал через Сенную — так было на семь минут быстрее, он проверял. Семь минут сейчас имели значение: макет нужно было сдать до шести, а было уже половина пятого, и он только что понял, что неправильно рассчитал угол северного фасада. Не критично. Но неправильно — а это для него было одно и то же.

Переход был забит. Он пошёл вдоль стены, где чуть свободнее, и именно поэтому не увидел её — она шла с той стороны, в наушниках, глядя в телефон, и они столкнулись в самом узком месте прохода.

Телефон полетел вниз. Он поймал его раньше, чем успел подумать — просто рефлекс, рука сама. Краем сознания отметил: неплохо для человека, который секунду назад изучал стены.

Поднял глаза.

Она смотрела на него. Не с раздражением — он ожидал раздражения — а с каким-то спокойным удивлением, будто он сделал что-то неожиданное, но не плохое. Светлая, ладная, стоит ровно — не напряжённо, а именно ровно, словно у неё есть своя ось и она её чувствует. Шарф намотан небрежно, но как-то правильно — не специально правильно, а так, как бывает, когда человеку просто не холодно думать о том, как выглядит шарф.

Он подал ей телефон.

Она не взяла сразу. Они стояли — вокруг них тек поток людей, кто-то задел его плечом, кто-то что-то сказал на ходу — а они стояли и смотрели друг на друга. Секунду. Две. Пять. Он потом пытался вспомнить, сколько именно — и не мог. Время в тот момент работало как-то иначе.

Он заметил — потому что всегда замечал такие вещи — что она смотрит прямо. Не вызывающе, а просто — как человек, который привык видеть то, на что смотрит. Взгляд светлый, спокойный. Егор привык, что люди отводят глаза первыми — он был крупным, тёмным, и что-то в нём заставляло незнакомых людей чуть отступить. Она не отступила.

Она взяла телефон.

— Спасибо, — сказала она. Голос ровный, чуть удивлённый.

— Пожалуйста, — сказал он.

Пауза. Поток людей тёт мимо.

— Вы куда идёте? — спросил он.

Она чуть подняла брови — не обиженно, а скорее с интересом, будто вопрос был неожиданный, но не плохой.

— На Владимирскую.

— Я провожу до эскалатора, — сказал он. — Мне туда же.

Это была неправда. Ему было в другую сторону. Он это знал. Она, кажется, тоже знала — что-то в том, как она чуть прищурилась прежде чем кивнуть. Но оба сделали вид, что всё

в порядке. Макет с неправильным углом северного фасада подождёт до утра — он это понял в ту же секунду, как сказал, и удивился себе, и пошёл рядом с ней сквозь толпу, и больше не думал о макете совсем.

У эскалатора она остановилась. Он тоже. Секунда — и он сказал: если захотите выпить кофе когда-нибудь... он запнулся, не зная, как продолжить. Она посмотрела на него — без кокетства, просто оценивающе. Потом достала телефон. Он написал свой номер и нажал вызов. Она убрала телефон в карман — и пошла вниз, и не обернулась.

Глава 2. Катя

Катя не опаздывала. Она вообще старалась не опаздывать — не из тревожности, а просто потому, что не любила, когда что-то идёт не так, как задумано. Сегодня задумано было: выйти в половину пятого, доехать до Владимирской, забрать у одногруппницы конспект, который та обещала ещё на прошлой неделе, вернуться домой.

В наушниках играло что-то тихое — она включала музыку в метро не чтобы слушать, а чтобы толпа не давила так сильно. Телефон она держала перед собой — смотрела в заметки, перечитывала список вопросов к защите. Через три недели. Она была готова, но перечитывала всё равно. Наверное, это называется «перепроверить». Или «слегка параноить». Она предпочитала первый вариант.

Переход на Сенной она знала хорошо — срезала здесь часто. Пошла вдоль стены, где меньше народу, убрала телефон в карман, и в этот момент кто-то шёл навстречу, и они столкнулись — не сильно, но телефон всё равно вылетел.

Она даже не успела расстроиться. Он уже держал его в руке — поймал, она не видела как, просто в одну секунду телефон был в воздухе, а в следующую уже у него в руке. Она подняла глаза.

Высокий. Тёмные волосы, тёмное пальто. Смотрел на неё — не извиняющимся взглядом, не раздражённым, а как-то внимательно и спокойно, будто у него было время смотреть. Рука с телефоном протянута к ней.

Она не взяла сразу.

Потом она думала — почему не взяла сразу. Объяснения не было. Просто стояла и смотрела, и он стоял и смотрел, и вокруг них шли люди, и это было странно — но не неприятно. Скорее, будто кто-то поставил паузу, и пауза оказалась неожиданно уместной.

Она взяла телефон.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он не уходил. Она тоже почему-то не уходила. Поток людей огибал их, как вода огибает два камня — с лёгким недовольством и без остановки.

— Вы куда идёте? — спросил он.

Вопрос был неожиданный. Не потому что странный — просто незнакомые люди в метро обычно так не спрашивают. Она посмотрела на него внимательнее. Никакой игривости в голосе не было — спросил просто, будто ему правда было интересно.

— На Владимирскую.

— Я провожу до эскалатора, — сказал он. — Мне туда же.

Она не была уверена, что ему туда же. Что-то в том, как он это сказал — чуть быстрее, чем остальное — подсказывало, что нет. Но она не стала проверять. Просто кивнула, и они пошли рядом сквозь толпу. Она была почти уверена, что соврал. Почему-то это было совсем не неприятно.

У эскалатора он остановился и сказал что-то про кофе — аккуратно, без нажима, будто оставлял за ней право решить. Она подумала ровно секунду. Потом достала телефон. Он набрал номер сам и нажал вызов, чтобы она увидела его имя. Вот так. Просто и без объяснений. Она убрала телефон и пошла вниз по эскалатору. Обернуться не обернулась — ни к чему.

Глава 3. Егор

Он пришёл на десять минут раньше — не специально, просто так получилось. Специально. Выбрал столик у окна, сел, посмотрел на улицу. Кофейня была небольшая, тихая — он бывал здесь иногда, когда нужно было думать, а в мастерской думалось плохо. Здесь был правильный фоновый шум — негромкие разговоры, звук кофемашины, чьи-то шаги по деревянному полу. Не тишина и не толпа. Что-то среднее.

Он не знал, зачем позвал её. Точнее, знал — но это знание было какое-то неудобное, он его не трогал. Просто позвал, она согласилась, и теперь он сидел у окна и смотрел, как за стеклом идёт мелкий петербургский дождь, который петербуржцы дождём не считают — так, влажность.

Она пришла без опоздания. Он это отметил — не потому что ждал опоздания, а просто отметил. Вошла, огляделась, нашла его взглядом сразу — и снова этот прямой спокойный взгляд, без суеты. Пальто мокрое на плечах, волосы чуть влажные. Она не извинялась за дождь и не делала из него событие — просто сняла пальто, повесила, села напротив.

— Нашли? — спросил он.

— Я здесь бывала, — сказала она.

Они заказали кофе. Помолчали немного — не неловко, а как-то естественно, будто оба понимали, что торопиться некуда.

— Вы архитектор? — спросила она. — Вы вчера сказали.

— Да. Бюро на Петроградской. — Он помолчал. — Вы заканчиваете университет?

— Через три недели защита.

— Инфокоммуникации — это что именно?

Она посмотрела на него — проверяла, кажется, насколько вопрос настоящий. Потом ответила: это как логистика и архитектура, только для цифрового мира. Мы проектируем «дороги» и «развязки», по которым ходят не машины, а гигабайты данных.

Он слушал — по-настоящему слушал, не кивал вежливо, а слушал — и она это чувствовала, потому что говорила всё подробнее, и через десять минут они уже спорили о том, связано ли то, как устроены сети передачи данных, с тем, как устроено городское пространство, и оба считали, что да, но по разным причинам.

— Покажите, — сказала она вдруг.

— Что?

— Ну... город. Вы же его видите как-то иначе. Покажите как.

Он посмотрел на неё. Никто никогда не просил его об этом так просто — обычно говорили «расскажи» или «объясни», а она сказала «покажи», и это было другое слово.

— Прямо сейчас?

— Скоро дождь закончится, — сказала она и посмотрела в окно. — Судя по облакам.

Он тоже посмотрел в окно. Облака он не умел читать. Но дождь действительно заканчивался.

Он повёл её не по туристическим местам — по своим: двор на Рубинштейна, где пропорции настолько точные, что внутри становится спокойно; переулок у Фонтанки, где два здания разных эпох стоят рядом и почему-то не спорят; подворотня на Садовой с лестницей, которую видно только если знать, куда смотреть. Он говорил мало — просто останавливался и ждал, пока она увидит.

Она видела. Не сразу, но видела — он замечал момент, когда это происходило, по тому, как она чуть замедлялась и замолкала. Это было приятно — не потому что он показал, а потому что она увидела сама.

Они шли долго. Потом она сказала:

— У меня была мысль, что архитекторы видят только форму. А вы видите что-то ещё.

— Что?

Она подумала.

— Время. Как будто вы видите не только, что стоит, но и что стояло. И что будет стоять.

Он не ответил сразу. Шли молча ещё полквартиры.

— Наверное, — сказал он наконец. — Я об этом не думал в таких словах.

— Это потому что вы архитектор, — сказала она. — А я в сетях. Мне нужны слова.

Он засмеялся — неожиданно для себя, коротко. Она улыбнулась — спокойно, без торжества.

Он проводил её до метро. Когда она уходила — обернулась один раз. Просто посмотрела.

Глава 4. Катя

Она позвонила вечером — легла на диван, укрылась пледом, набрала номер. Мама ответила после второго гудка, как всегда.

— Привет, солнышко.

— Привет, мам.

Из трубки донёлся звук телевизора — папа смотрел что-то своё, как обычно по вечерам. Потом звук стал тише — мама, видимо, вышла в другую комнату.

— Ну как ты?

— Нормально. Мам, я познакомилась с одним человеком.

Секунда тишины — не удивлённой, а внимательной. Мама умела слушать именно так — не перебивая, не заполняя паузы.

— Расскажи.

Катя рассказала. Про метро, про столкновение, про то, как он поймал телефон, про кофейню, про то, как они ходили по дворам и он показывал ей город — не как экскурсовод, а как человек, который живёт в этом городе всем собой. Она говорила и слушала себя со стороны, и понимала, что говорит больше, чем обычно рассказывает о людях. Намного больше.

— Архитектор, — сказала мама, когда Катя замолчала. Не вопрос — просто повторила.

— Да. Из Казани, работает здесь. Егор.

Пауза. Совсем короткая — может быть, Катя бы не заметила, но она привыкла слушать мамини паузы. Мама молчала по-разному. Эта была другая — не задумчивая, а какая-то внутренняя.

— Красивое имя, — сказала мама.

— Мам, ты в порядке?

— Да, солнышко, всё хорошо. — Голос был ровный, тёплый. — Он тебе понравился?

— Не знаю ещё, — сказала Катя. — Наверное, да.

— Это хорошо, — сказала мама просто.

Они поговорили ещё немного — про защиту, про Ангелину, которая опять потеряла чью-то книгу, про то, что папа собирается чинить кран и это грозит затянуться на выходные. Всё обычное, домашнее. Но когда Катя положила трубку, та пауза никуда не делась — осталась где-то на краю мыслей, маленькая и непонятная.

Она открыла заметки в телефоне. Написала: видит время в зданиях. Подумала. Добавила: не торопится.

Закрыла телефон и уставилась в потолок.

За окном был Петербург — мокрый, тёмный, со своими дворами и подворотнями, которые она прожила рядом и ни разу не видела так, как увидела сегодня.

Глава 5. Егор

Они стали видеться часто — не договариваясь об этом специально, просто так получалось. Он писал «есть время вечером» — она отвечала «да» или «не сегодня», и это было просто, без лишнего. Он не привык к такой простоте. Обычно отношения требовали какого-то усилия на старте — объяснений, договорённостей, осторожности. С ней всего этого не было. Просто были встречи, и между ними было хорошо, и это казалось достаточным.

Однажды они шли по набережной — темнело, фонари отражались в воде длинными жёлтыми полосами — и она спросила:

— Ты скучаешь по Казани?

Он подумал.

— По Казани — нет. По маме скучаю. По Толе иногда. — Помолчал. — По деревне скучаю.

— По какой деревне?

— Рязанская область. Там бабушка с дедушкой живут. Мамины родители. — Он помолчал ещё. — Я каждое лето туда ездил, пока учился. Потом реже.

— Расскажи.

Он усмехнулся — она всегда говорила «расскажи» или «покажи», никогда «интересно?» или «правда?». Просто просила — и он рассказывал.

— Там река есть. Неширокая, но глубокая — дно не видно. Мы с дедом ходили на неё рано утром, ещё в туман. Он рыбачил, я сидел рядом. Почти не разговаривали. — Он помолчал. — Я тогда не понимал, зачем это нужно — просто сидеть и молчать. Сейчас понимаю.

— Зачем?

— Чтобы знать, что ты в нужном месте.

Катя шла рядом, смотрела на воду.

— У меня такого места нет, — сказала она. — Мы всегда были городскими.

— Это не хуже, — сказал он. — Просто другое.

Он думал о деревне редко — не потому что забыл, а потому что это было что-то отдельное, не встраивающееся в петербургскую жизнь. Бабушкин дом с низкими потолками и геранью на подоконнике. Дед, который говорил мало, но всегда по делу — Егор в детстве думал, что это от строгости, потом понял, что просто от уважения к словам. Запах сена и речной воды. Вечера, когда темнело медленно и незаметно.

Мама любила деревню — каждое лето ездила туда с Толей, иногда звала Егора. Он ездил, когда мог. Алексей приезжал реже — у него были дела, всегда были дела, — но когда приезжал, дед встречал его как своего. Это Егор помнил хорошо: как дед пожимал Алексею руку, крепко, без лишних слов. Как будто между ними было что-то давно решённое.

Про отца в деревне не говорили. Не потому что запрещали — просто не говорили, и Егор с детства чувствовал эту границу и не переходил. Знал, что отца звали Сергей, что он погиб, когда Егору был год, что был хорошим человеком — это бабушка говорила иногда, коротко, как что-то само собой разумеющееся. Хорошим человеком. Больше ничего.

Алексей появился в их доме, когда Егор был маленький. Сначала было тяжело — не потому что Алексей делал что-то не так, а просто потому что был чужим. Занимал пространство, говорил маме что-то тихо на кухне, иногда смотрел на Егора долго — не пристально, а как-то думая, будто решал задачу. Егор тогда злился на этот взгляд. Потом привык. Потом начал замечать другое — как Алексей никогда не занимал то место, которое не его, но всегда оказывался там, где нужен. Объяснял задачи по физике без раздражения. Починил велосипед молча и поставил к стене так, чтобы Егор нашёл сам. Однажды, когда Егор вернулся из школы с

разбитой губой и молчал об этом три дня, Алексей не спрашивал — просто сел рядом вечером и сказал: «Если надо поговорить — я здесь». Не объяснял, что сказать, не торопил. Просто дал знать. Егор тогда заговорил. И удивился, что это было не трудно. Потом понял: Алексей умел создавать пространство, где молчать можно так же спокойно, как говорить.

— О чём думаешь? — спросила Катя.

— О деревне, — сказал он.

— Хорошо думаешь или грустно?

Он подумал.

— Хорошо, — сказал он. — Просто далеко.

Она кивнула. Взяла его за руку — просто, без предисловий — и они пошли дальше вдоль набережной, и фонари отражались в воде, и Егор думал, что надо этим летом обязательно съездить в деревню. И что было бы хорошо взять Катю с собой.

Глава 6. Катя

Они сидели у него дома — она листала его книги, пока он ходил на кухню за чаем. Книг было много, стояли плотно, некоторые лежали горизонтально поверх других. Архитектура, история городов, что-то про материалы, что-то про свет. Между ними — потрёпанный Бродский и тонкая книжка про японские сады без автора на обложке. Ни одной художественной книги, если не считать Бродского. Она отметила это про себя — не как минус, просто как факт.

Он вернулся с двумя кружками, поставил перед ней.

— Ты читаешь Бродского? — спросила она.

— Мама давала в школе. Прижилось.

Она поставила книгу обратно, взяла кружку. За окном был вечерний Петербург — тёмный, с жёлтыми окнами напротив.

— Расскажи про маму, — сказал он.

Она посмотрела на него. Он спрашивал так же, как она — просто, без предисловий.

— Мама сильная, — сказала Катя. — Не в смысле жёсткая. В смысле — не ломается. У неё была трудная история, она из неё вышла сама, без чьей-то помощи. Ну, почти.

— Что за история?

Катя помолчала — не потому что не хотела рассказывать, а потому что подбирала слова.

— Был первый муж. Они расстались ещё до моего рождения — так что я его вообще не знаю, даже в теории. Мама никогда не говорила о нём плохо. Вообще почти не говорила — просто не сложилось, и всё. Потом появился папа, и всё стало хорошо.

— Она сама разобралась?

— Да. Это вообще мамин способ — она не ждёт, когда кто-то объяснит. Если надо понять — идёт и понимает сама. — Катя усмехнулась. — Иногда это немного пугает. Чувствуешь, что от неё ничего не скроешь.

— Это хорошо или плохо?

— Хорошо, — сказала Катя без паузы. — Просто непривычно для других людей.

Он кивнул. Смотрел на неё — думая, как она уже привыкла.

— А папа?

— Папа простой, — сказала она с теплом. — В хорошем смысле. Надёжный. Он инженер — у него всё должно работать, всё должно быть понятно. Сначала я думала, что он скучный. Потом поняла, что просто стабильный. Это редкость.

— Они счастливы?

Она подумала — по-настоящему, не для вежливости.

— Да, — сказала она. — Не громко. Но да. Мама смотрит на него иногда — так, быстро, когда он не видит — и в этом взгляде всё понятно.

За окном проехала машина.

— У тебя хорошая семья, — сказал Егор.

— У тебя тоже, — сказала она. — Просто другая.

Он помолчал.

— Алексей хороший, — сказал он, и Катя услышала в этом что-то — не сомнение, а скорее давно обдуманное. — Он никогда не пытался быть отцом. Просто был рядом. Я злился на это в детстве — хотелось, чтобы либо да, либо нет. А он всегда был посередине.

— А сейчас?

— Сейчас понимаю, что это было правильно. — Помолчал. — Наверное.

Катя смотрела на него. Думала, что люди, которые выросли в сложных конструкциях — там, где всё не совсем как у всех, — умеют держать в голове сразу несколько правд. Не выбирать одну, а держать все. Это трудно. И это делает их интереснее.

— Мама говорит, что семья — это не то, с чем рождаются, — сказала она. — Это то, что строят.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо сказано.

— Ага, — улыбнулась Катя.

Глава 7. Егор

Дождь шёл уже третий день подряд — настоящий, ноябрьский, без намерения останавливаться. Егор работал дома: бюро разрешало по пятницам, и он пользовался этим редко, но сегодня не хотел никуда идти. Включил фоном городское радио — тихо, просто чтобы был звук — и работал за столом у окна.

Катя пришла в четыре. Принесла что-то в бумажном пакете — оказалось, пирог из булочной на углу, которую она обнаружила неделю назад и теперь считала своим открытием. Егор ходил туда же каждое утро последние два года. Он убрал бумаги, она поставила пирог на стол, они сели.

За окном был дождь. Радио что-то говорило тихо. Чай остывал.

Он смотрел на неё — как она режет пирог, аккуратно, не торопясь — и думал, что это странное ощущение: когда человек рядом и от этого тише внутри. Не скучнее, не спокойнее в смысле безразличия — а именно тише. Как будто что-то, что обычно гудит фоном, останавливается.

Он не планировал говорить сегодня. Просто получилось. Потом, уже после, он пытался восстановить, как это вышло — и не мог. Он ничего не планировал, думал и в итоге сказал это в пятницу, в дождь, с куском пирога на столе.

— Катя.

Она подняла глаза.

— Я хочу, чтобы ты была рядом. Не вот так — он кивнул на стол с пирогом, — а вообще. Всегда.

Она смотрела на него. Нож лежал на тарелке. Дождь шёл за окном.

— Это предложение? — спросила она тихо.

— Да.

Она молчала. Не долго — секунд десять, может, пятнадцать — но он чувствовал каждую. Не тревожно, а просто — ждал. Он умел ждать.

— Да, — сказала она.

Не громко. Не со слезами. Просто — да, и посмотрела на него тем своим прямым, спокойным взглядом, и он понял, что это настоящее — не потому что красиво сказано, а потому что она именно такая: если говорит «да», значит «да».

Он встал, обошёл стол, она тоже встала, и они стояли у окна под дождём — то есть не под дождём, но казалось, что под дождём, потому что он был везде за стеклом, — и он обнял её и думал, что надо позвонить маме.

Позвонил через час. Катя сидела рядом и делала вид, что не слушает — то есть слушала, конечно, но из вежливости смотрела в окно на дождь.

— Мам.

— Да, сынок. — Наташин голос — тёплый, домашний.

— Я сделал предложение Кате.

Секунда тишины. Потом он услышал — она плакала. Не громко, сдержанно, по-мамину — но плакала.

— Мам, всё хорошо.

— Я знаю, — сказала она. — Я очень рада. Ты познакомишь нас?

— Да. Мы хотим собрать всех вместе. Её семья, наша семья.

— Хорошо, — сказала мама. Помолчала. — Егор. Как её фамилия?

Он сказал.

Пауза. Чуть длиннее, чем нужно для простого вопроса.

— Мам?

— Всё хорошо, сынок, — сказала она ровно. — Я очень рада за тебя. Правда.
Он положил трубку и посмотрел на Катю. Она сидела на диване с кружкой, смотрела на него вопросительно.

— Мама плакала от радости, — сказал он.

— Хорошие слёзы, — улыбнулась Катя.

Он кивнул. Сел рядом. Взял её за руку.

Глава 8. Катя

Она позвонила маме, когда Егор вышел за хлебом — не специально: они остались наедине, она и телефон, и была пауза, в которую можно было наконец позвонить. Хлеб Егор уже покупал вчера — она видела его на кухне. Люди иногда выходят просто, чтобы дать человеку побыть наедине с собой, и это хорошее качество.

Мама ответила сразу.

— Мам, он сделал мне предложение.

Секунда — и мамин смех, тёплый, настоящий.

— Солнышко моё. — Пауза. — Ты согласилась?

— Да.

— Я рада. — Голос был ровный и тёплый одновременно — мама умела так, без лишнего.

— Ты счастлива?

— Да, — сказала Катя. И это было правдой — просто, без украшений.

Они говорили — про Егора, про то, как всё получилось, про то, что они хотят познакомиться семье. Мама слушала, иногда задавала точные вопросы — не из вежливости, а потому что ей правда было важно. Это Катя знала с детства: мама слушает по-настоящему.

— Мы думаем снять коттедж, — сказала Катя. — Где-то под Петербургом. Собрать всех вместе на несколько дней.

— Хорошая идея, — сказала мама. Помолчала. — Его мама — как её зовут?

— Наташа. Они из Казани, но сами родом из деревни, Рязанская область. А отчим — Алексей.

Тишина. Не долгая — может быть, два удара сердца. Но Катя её услышала.

— Мам?

— Да, слушаю.

— Ты знаешь их?

— Нет, — сказала мама. Голос был ровный. — Просто задумалась. Расскажи про Алексея — кто он, чем занимается?

Катя рассказала, что знала: бизнес, недвижимость, серьёзный человек по словам Егора. Мама слушала молча.

— Хорошо, — сказала она, когда Катя закончила. — Мы приедем. Папа тоже будет рад.

— Как вы с папой?

— Хорошо, солнышко. Всё хорошо.

Они поговорили ещё немного — про Ангелину, которая просила передать, что она в восторге, про то, что папа уже спрашивал, какой у Егора характер, про бабушку, которой тоже надо будет сказать.

Катя улыбнулась. Положила трубку.

За окном шёл дождь. Она сидела и думала — про маму, про ту паузу, которая была уже не первой. Маленькую, почти невидимую. Мама никогда не паузила просто так — у неё всё было точно, каждое слово на своём месте. Если пауза — значит, что-то за ней стоит.

— Ты знаешь их?

— Нет.

Катя поверила. Конечно, поверила — мама не лгала, это было просто фактом её жизни, как погода или время суток. Но что-то — маленькое, тихое — осталось.

Она открыла заметки в телефоне. Долго смотрела на пустую строчку. Ничего не написала. Закрыла.

Дверь открылась — Егор вернулся, мокрый, с пакетом. Посмотрел на неё.

— Всё хорошо?

— Да, — сказала она. — Мама рада. Ангелина в восторге.

Он усмехнулся. Поставил пакет, снял куртку.

— Толя тоже напишет что-нибудь громкое.

— Они похожи?

— Нет, — сказал Егор. — Совсем.

Катя смотрела на него — высокого, тёмного, спокойного — и думала, что через несколько недель они все окажутся в одном месте. Две семьи за одним столом. И мама, которая сделала паузу там, где паузы быть не должно.

«Всё будет хорошо», — сказала она себе.

Часть вторая. Коттедж

Глава 9. Катя

Коттедж они нашли через две недели — небольшой, деревянный, в сосновом лесу в часе от Петербурга. Хозяйка сдавала его редко и неохотно, но Егор умел разговаривать с людьми, которые не хотят разговаривать, — спокойно, без давления, просто ждал, пока человек сам придёт к нужному решению. Хозяйка сдала.

Они приехали с утра — протопили камин, расставили вещи, Катя застелила кровати, пока Егор разбирался с дровами. Дом был простой, тёплый, пах деревом и немного хвоей. Из окна гостиной был виден лес — сосны стояли прямо и спокойно, снег лежал на ветках аккуратно, как будто его кто-то разложил.

— Хорошо, — сказал Егор, оглядевшись.

— Да, — согласилась Катя.

Это было их слово — короткое, без лишнего. Когда что-то было правильным, они оба это чувствовали и говорили просто «хорошо» или «да».

Катины приехали первыми. Егор поехал на станцию встречать своих, Катя осталась.

Мамина машина въехала на участок в половине второго. Катя вышла на крыльцо — мороз щипал щёки, снег скрипел под ногами. Папа вышел первым, огляделся, кивнул одобрительно — инженерский взгляд, оценивает конструкцию. Ангелина выскочила следом, сразу громко:

— Красота какая! Почему мы раньше сюда не приезжали? Я хочу здесь жить!

— Ты хочешь жить везде, где бываешь первый раз, — сказала Катя.

— Ты всегда так говоришь про все места, — Ангелина засмеялась. — Неправда, иногда бываю и молчу. — Обняла её крепко.

Мама вышла последней. Медленно, аккуратно — дорожка была скользкая. Катя сошла с крыльца, взяла её под руку.

— Ну как ты? — спросила мама тихо, пока папа и Ангелина уже тащили сумки в дом.

— Волнуюсь немного.

— Я знаю. — Мама сжала её руку. — Всё будет хорошо.

Они зашли внутрь. Папа уже осматривал камин с видом человека, который мог бы сложить его лучше. Ангелина бегала по комнатам и комментировала всё подряд. Мама сняла пальто, повесила, огляделась — спокойно, внимательно. На щеках от мороза был румянец, волосы немного растрепались. Она была уютной и домашней, как всегда — Катя смотрела на неё и думала, что мама везде становится своей очень быстро, просто потому что не тратит сил на то, чтобы казаться.

— Красивый дом, — сказала мама. — Егор выбирал?

— Вместе.

Мама кивнула. Улыбнулась — той улыбкой, которая начиналась в глазах раньше, чем на губах.

— Хочешь помочь с обедом? — спросила Катя.

— Конечно.

Они устроились на кухне вдвоём — папа пошёл гулять, Ангелина обнаружила в углу гостиной стопку настольных игр и занялась их инвентаризацией. На кухне было тихо и тепло, пахло хвоей и чуть-чуть дымом от камина.

— Мам, — сказала Катя, не поднимая глаз от доски. — Ты не волнуешься?

— Нет, — сказала мама просто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.